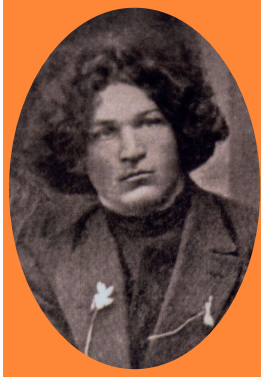
ПРИЁМ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ Ф.И. ЧУДАКОВА «РЕДАКЦИОННОЕ СОБРАНИЕ»

Лаптева Н.А.,
аспирант 2 года обучения,
историко-филологический факультет

Научный руководитель:
Урманов А.В.,
д-р филол. наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и литературы



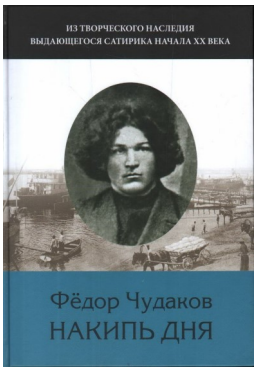
Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918), талантливый поэт и прозаик, являлся активным членом партии социалистов-революционеров. В 1906 г. он был арестован по доносу за «преступную» пропагандистскую деятельность и помещён в следственную камеру сначала чембарской тюрьмы, позже губернской тюрьмы Пензы. Суд приговорил юношу к трём годам ссылки, в которую тот был отправлен по этапу через красноярскую пересыльную тюрьму. Отбыв половину срока в глухом и отдалённом таёжном селе Червянка, Чудаков бежал в Красноярск, затем в далёкий Благовещенск, где, проживая по подложным документам, сотрудничал с местными газетами. В начале 1909 г. он вновь оказался среди политических заключённых, теперь уже на «горке» – в благовещенской тюрьме.

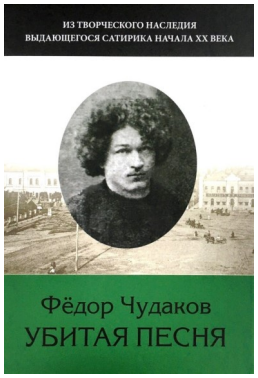
Желая сохранить события и лица тех времён, пролить свет на истинное положение дел, Ф.И. Чудаков запечатлел детали жизни дореволюционной российской ссылки и тюрьмы в своём творчестве. Среди автобиографических произведений особенно интересен рассказ «Редакционное собрание», основой которого стали воспоминания писателя о пребывании в пензенской тюрьме в 1907 г. (опубликован 30 января 1911 г. в благовещенской газете «Эхо» за подписью *Фёдор Ч.*).

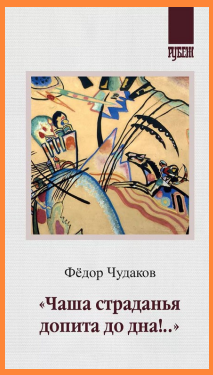
В центре внимания автора находятся быт и нравы политических заключённых, решивших издавать рукописную газету. Это событие проявляет особую, нездоровую атмосферу вражды между «политиками» (эсдеками и эсерами), а также бесчеловечное отношение тюремного начальства к заключённым.

Желая добиться определённого эффекта, рисуя эти взаимоотношения, писатель прибегает к использованию стилистического приёма обманутого ожидания. Р. Якобсон также называет это явление «несбывшимся предсказанием». Основа приёма – лёгкая «неправильность, выделяющаяся на фоне регулярности» то есть нарушение предположений читателя в отношении смысла фразы. Подобное нарушение может решать различные авторские задачи.

Например, создание комического эффекта. О проигравшем кандидате на пост редактора рукописной газеты повествователь пишет: «Жорж Русый торжественно сел в калошу». Эффект тем выразительнее, чем меньше читатель ожидал такого окончания фразы. Что можно было бы предположить после определения «торжественно»? Торжественно быть объявленным победителем на выборах, торжественно занять должность главного редактора тюремной газеты. Но герой торжественно садится в калошу – терпит неудачу. Сам по себе фразеологизм имеет стилистическую окраску пренебрежения, а, обогатившись новым компонентом, становится максимально исполненным иронии. И этот эффект подкреплён авторской характеристикой кандидата: «Жорж Русый в газетном деле понимал столько же, сколько таракан в математике».







«Часто фигуры, построенные по принципу обманутого ожидания, используются с целью изображения парадоксального (раздвоенного, внутренне противоречивого) мира». Так изображены поступки подневольных солдатиков, которые производят в камере обыск (пытаются отыскать листки рукописной газеты). «Застучали по полу “щупы”, из тюфяков с весёлым смешком посыпалась солома, клопы, как оглашенные, забегали по стенам, параша, попавшая под неуклюжий сапог солдата, изошла на месте кровью...». В этом эпизоде своеобразно использован «принцип изображения через схваченное словами противоречие». Рисуя жизнь арестантов, повествователь намеренно избегал описаний пространства: перед читателем открывалась исключительно слаженная работа редколлегии. И только в эпизоде обыска проявляется бытописательность рассказа. Читатель узнаёт о «щупах» – инструменте поиска запрещённых вещей; об убогих тюфяках, худо набитых соломой и служащих и матрасом, и подушкой, и одеялом; о вечных спутниках «общежития» – клопах; о неизменной параше. Так складывается ощущение казёнщины, ужасной работы власти по уничтожению свободы, воплощённое в бытовых деталях и сведённое в одну точку. «Важнейшая сторона всякого предметного описания – та авторская позиция, с которой оно осуществляется. <…> Автор на всё смотрит извне, и оно для него необычно и непривычно». Действия во время обыска совершаются как бы сами собой, но из-за них относительно налаженный, устоявшийся порядок вещей нарушается, буквально переворачивается. «Щупы» застучали – это солдаты тыкают по полу; солома «с весёлым смешком» посыпалась – это надсмотрщики «потрошат», нагло ухмыляясь, тюфяки заключённых; разбегаются по стенам «как оглашенные» клопы – вот перетряхнули все вещи; параша изошла кровью, попав «под неуклюжий сапог солдата» сама – но это служивый, проводящий обыск, по неосторожности задевает отхожее место, ведь камера очень тесная.

«Мемуары Чудакова демонстрируют мастерство владения словом, незаурядность художественного дарования, проявляющегося даже в жанре, казалось бы, нехудожественном». Используя приём обманутого ожидания, автор расставляет эмоциональные акценты, заставляя читателя то иронично усмехнуться, то проявить сочувствие к героям. Определённая смысловая парадоксальность, вызываемая использованием данного приёма, позволяет проявить замысел писателя и его отношение к моральному облику персонажей.